

ТБИЛИСЦЫ ! ЛЮДИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, РАЗНЫХ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ, РАЗНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ -- РОДИВШИЕСЯ, ВЫРОСШИЕ, ЖИВШИЕ И ПРОЖИВАЮЩИЕ В ТБИЛИСИ -- ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Сто лет назад, в Тифлисе, на сабурталинских холмах, впервые в истории Грузии были проведены экспериментальные полеты на планерах.

До этого гастролировали воздухоплаватели-иностранцы, но на аппаратах тяжелее воздуха к тому времени еще никому не удавалось продемонстрировать успешные полеты. Все попытки местных пионеров авиации кончались безрезультатно. В. Хечинов в своей книге «История летания в Грузии», изданной в 1935 году, писал: «Планеризм – это первые реальные шаги авиационеров, имеет в Грузии также свою небольшую историю, вписанную полетами конструкторов-самочуек: Терверко, Кебурия, Шиукашвили (Шиуков) и Ключ. Каковы бы ни были эти полеты, даже неудачные, все же доказывают, что великая идея покорения воздуха нашла в Грузии последователей, вложивших в общее дело свой труд, свои средства и даже свою жизнь».

Первым в Грузии успешные опыты с планером провел Виссарион Кебурия. По свидетельству автора книги «Первые крылья» Варлама Родона, В. Кебурия в 1908 году пролетел на своем планере до 200 метров, достигая при этом высоты 20-30 метров.

В книге С.Тепнадзе и Г.Кебурия «История покорения неба – от мечты до реальности» рассказывается о том, как 14-летним мальчиком Бесо Кебурия увязался за пастухами, перегонявшими стадо коров из Чхороцку в Поту, и, впервые увидев паровоз, остался на строительстве железной дороги у инженера Сливницкого, дяди знаменитых режиссеров Эльдара и Георгия Шенгелая. Через несколько лет юноша экстерном заканчивает Петербургский институт путей сообщения. Основатель института и председатель Русского научного общества Михаил Гарсеванишвили (это с него рисовал Илья Репин фигуру запорожца) предложил Кебурию остаться в институте для продолжения научной работы, но выпускник обратился к наставнику с необычной просьбой. Николай Жуковский в то время вернулся из поездки в Германию, где встречался с Отто Лилиенталем, знаменитым планеристом, и привез чертежи планера. По совету Гарсеванишвили Виссарион перечертил конструкцию и был одержим мыслью построить у себя на родине планер и летать на нем. После завершения образования в Петербурге и прохождения практики на строительстве железных дорог Кебурия работал в железнодорожных мастерских Тифлиса и параллельно строил планер. Несмотря на известие о гибели Лилиентала, он бесстрашно пытался покорить небо.

В.Хечинов: «В.Кебурия... несомненно является первым авиатором в Грузии».

Работая на скромной должности дорожного техника в Тифлисе, Кебурия зачитывался скудными сведениями о полетах в далекой Франции и решил посвятить себя этому делу. На первых порах, желая испытать свои силы, на чердаке собственного дома по улице Гоголя,56 занялся постройкой планера. Планер обошелся ему почти в 50 рублей. Он представлял собой биплан с размахом крыльев 7,5 метров.

Первые полеты совершались в Сабуртало, где позже построили кирпичные заводы. Это место благодаря отлогим склонам было выбрано для совершения полетов. Балансировочный планер Кебурия запускался посредством тросов, которые тянули несколько человек, бегом спускаясь с холма. Впоследствии этот планер разбился. Неудача не разочаровала Кебурию, и он вскоре задумал поехать во Францию и стать авиатором. Приняв смелое решение, Кебурия осуществил его, пожертвовав всем своим состоянием.

В конце июля 1909 года весь мир облетела сенсация: французский авиатор Луи Блерио на моноплане собственной конструкции перелетел Ла-Манш и покрыл расстояние в 42 километра за 32 минуты. Газеты писали: «Англия перестала быть островом!» На английском берегу авиатора встречал французский флагман редактор газеты «Матен» Фонтен.

Впоследствии моноплан, оснащенный двигателем в 25 лошадиных сил, был приобретен и установлен на стене редакции в Париже.

Блерио не только завоевал приз в 10 тысяч фунтов стерлин-

МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ

гов, учрежденный газетой «Дейли мейл», но и стал национальным героем Франции. Он открыл летную школу и получил диплом №1 Парижского аэроклуба. Все свои деньги он вложил в конструирование и производство новых аэропланов. Нелегко далась ему эта победа. 11 неудачных попыток, пожар летательного аппарата в воздухе. Его конкурент Юбер Латам был подобран спасателями в нескольких милях от английского берега с обгорелыми ногами. Он решился на еще одну попытку и вошел в историю авиации, как братья Райт и другие первопроходцы, обгонявшие время.

При жизни Блерио стал живой легендой, а набережная Сены и по сей день носит его имя.

В мае 1910 года в парижской гостинице «Брабант», где останавливались почти все авиаторы, поселился никому не известный мужчина сорока лет из далекой Грузии – Виссарион Кебурия.

В августе он сдает теоретический курс и получает диплом пилота-авиатора №210 Парижского аэроклуба. Затем проходит курс обучения в школе Луи Блерио и получает лицензию пилота на самостоятельные полеты от комиссии по спортивной авиации. Инструкторы в школе обучали летному искусству, но в воздухе ученик поднимался один. Поэтому часто случались аварии, и каждое повреждение аппарата курсанту обходилось втридорога. Немногие состоятельные люди, как, к примеру Александр Кузминский (племянник жены Льва Толстого и сын петербургского губернатора), могли позволить себе такую роскошь. Кроме того, надо было ждать своей очереди, поскольку летательных аппаратов не хватало. Виссарион принял неординарное решение – приобрел моноплан типа «Блерио XI» и выполнил перед комиссией все условия тогдашнего высшего пилотажа. Восхищенный Блерио подарил ему запасные части к мотору.

В одном из номеров журнала «Караван» были опубликованы воспоминания Анны Ахматовой: «Как-то раз мы с Модильяни зашли в кафе. За длинным столом вместе с нами разместились «живая легенда Парижа» авиатор Луи Блерио и какой-то кавказец. Мне очень жали туфли, и, не меняя строгого выражения лица, я сняла их, спрятав ноги за длинной скатертью. Блерио не обращал на меня внимания, но зато кавказец не сводил с меня глаз. После того, как они ушли, я обнаружила в туфле визитную карточку».

В Тифлисе Виссариона ждали жена и дети. Надо было возвращаться домой. Но покорение неба Франции дорого обошлось авиатору из Чхороцку и денег на дорогу почти не оставалось.

В том же 1910 году в предместьях Парижа шла работа над первой грузинской скульптурой.

Недалеко от летного поля в Исси-ле-Мулино, в Медоне, была мастерская Огюста Родена, где проживал и работал его ученик Якоб Николадзе.

Его скульптурная композиция «Скорбящая Грузия» была представлена на выставке в Париже, а впоследствии установлена на могиле Ильи Чавчавадзе в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии. Земляки подружились и часто общались. Кебурия будучи в гостях у Якоба любовался шедеврами Родена, а скульптор приходил на летное поле наблюдать за полетами авиаторов.

Париж того времени был признанным центром мировой авиации. Его называли «парижским птичником». Открывались летные школы, проводились состязания на денежные призы. После Луи Блерио в ноябре 1909 года дипломы пилота-авиатора Парижского аэроклуба получили бразилец Сантос-Дюпон (№13) и братья Уилбер и Орвилл Райт (дипломы №14,15), которые в 1903 году первыми в мире поднялись в воздух на аэроплане.

Особой популярностью пользовались русские авиаторы Михаил Ефимов (№34 в 1910 году), Николай Попов (№50), Лев Матвеевич-Мациевич (№158), борец Иван Заикин, (№191) которому доводилось выступать и в Тифлисском цирке, и другие. Заикин был настолько сильным человеком, что когда однажды при посадке отказали тормоза, он, чтобы не врезаться в публику, на ходу прыгнул с биплана и, ухватившись за хвост, остановил его. Во время показательных полетов в Одессе Заикин взял с собой пассажиром писателя Александра Куприна, который также отличался богатырским телосложением. Не выдержав их веса, биплан рухнул на землю. Оба остались живы, но с тех пор Заикин дал себе слово больше не летать.

С Виссарионом Кебурия (чья фамилия по тем временам была переименована на русский лад - Кебуров) в летной школе учился богатый адвокат из Казани Александр Васильев. Он

предложил совместное турне по приволжским городам с тем, чтобы по приезде в Тифлис открыть летную школу. Кебурия спешил домой, но летная школа была его мечтой, и он согласился. Васильев купил два моноплана Блерио с моторами в 50 лошадиных сил и нанял двух механиков-французов. Первые показательные полеты состоялись в Варшаве. Васильев остался в Париже, так как не успевал из-за частых поломок закончить школу.

Дедушка рассказывал мне, что, после успешного полета над городом, генерал-губернатор Скалон решил оштрафовать его на 500 рублей золотом, что для того времени было большой суммой. «Вы могли упасть на жилые дома, и, кроме того, вы напугали лошадей». И все это несмотря на то, что в дипломе Кебурия на шести языках предписывалось оказывать помощь и содействие авиатору со стороны властей гражданских и военных. Тогда, как известно, не было аэродромов, и полеты устраивались на ипподромах.

Паузу прервала миниатюрная особа, которая возразила градоначальнику: «Победителей воздуха не судят!». Она оказалась супругой генерал-губернатора и к тому же изъявила желание подняться в воздух. Дедушка предусмотрительно заручился официальным разрешением мужа. Тот охотно подписал бумагу, тайно желая, чтобы она попала в катастрофу. К счастью, этого не случилось. Следует отметить, что из первых 345 авиаторов, окончивших летные школы в 1909-1911 годах, около ста погибли в авиакатастрофах.

Показательные полеты Кебурия продолжались в Нижнем Новгороде, Саратове, Казани (здесь к нему присоединился Васильев), Астрахани, Баку.

24 октября 1910 года первый грузинский авиатор наконец-то покорил небо родного города. Но справедливость требует

отметить, что до Кебурия и Васильева первые показательные полеты в Тифлисе совершил на своем биплане легендарный русский авиатор Сергей Уточкин. Он и раньше приезжал в Тифлис, но как чемпион России по велосипедному спорту. Тогда ему впервые пришлось испытать горечь поражения от директора цирка, популярного артиста Ладо Кавсадзе. Уточкин пригласил его на соревнования, проходившие в Петербурге, где Ладо отлично выступил и завоевал приз за самое красивое телосложение.

Узнав о том, что в Тифлис придут Васильев и Кебурия, Уточкин совершив два показательных полета, продал право на аренду скакового поля коллегам и уехал в Батуми. Его биплан «Фарман» обладал большой грузоподъемностью и мог подниматься в воздух с пассажиром. Монопланы были сложнее в управлении, но обладали большей скоростью и маневренностью. И визуально имели большое сходство с парящей птицей. Полеты проходили при огромном стечении народа.

Васильев вскоре забрал свои летательные аппараты и уехал в турне. Кебурия, все еще не терявший надежды открыть летную школу, остался на родине и принялся конструировать новый моноплан, купив более мощный мотор в 50 лошадиных сил. Получив патент, он стал одним из первых авиаконструкторов Российской империи. Необходимо отметить, что дедушка строил моноплан самолично, даже такую сложную конструкцию, как пропеллер. Ему часто приходилось ремонтировать свой аппарат после поломок и аварий. Однажды над Муштаидом из-за останки мотора моноплан стал падать. Кебурия, заметив два дерева, спланировал на них. Моноплан застрял в ветвях. Авиатор отделался легкими ушибами и, отремонтировав аэроплан, продолжал летать. На новом аппарате он совершил перелеты Сухуми-Сенаки, Сенаки-Поти, Поти-Батуми. После полетов читал популярные лекции об авиации, а большую часть выручки жертвовал Грузинскому обществу распространения грамотности. Суеверие перед техническим прогрессом в то

время преодолевалось с большим трудом. К примеру, пассажиры конки перед мостом сходили, шли пешком и усаживались в вагон уже на противоположной стороне реки.

Васо Чачанидзе в журнале «Мнатоби» (№10, октябрь 1972 года) описывает курьезный случай, имевший место в 1911 году. Известный духанщик Утрухуне (Асатиани), описанный Иосифом Гришавили в книге «Литературная богема старого Тбилиси», решил расширить свое заведение, которое располагалось на берегу Куры и пользовалось большой популярностью. Из-за большого балкона его

называли в народе «Аэропланом». Утрухуне попросил Нико Пиросмани соответственно оформить вывеску духана, но в то же время опасался отпугнуть суевежных посетителей. Поэтому он предложил Пиросмани, знакомого с Кебурией, и двум популярным в то время людям, на двух фаэтонах, в сопровождении музыкантов, игравших на дудуки и зурне, приехать на летное поле и при публике вручить Кебурию два мешка бати-бути с тем, чтобы он во время полета высыпал на летное поле, чтобы народ убедился, что ничего сатанинского в его полетах нет. Но молодежь, увидев падающую с неба «манну небесную», высыпала на поле и свободного места для посадки уже не оставалось. Кебурия решил совершить посадку на краю поля, аэроплан задел колесами забор и, перевернувшись, упал на землю. При этом авиатор сломал ребро. Восхищенная публика на руках донесла его до дома.

Пиросмани выполнил заказ духанщика, написав на вывеске

слово «Аэроплан», а на одной из стен духана изобразил Виссариона Кебурия с его монопланом.

Всю свою жизнь Кебурия посвятил организации и строительству гражданской авиации в Закавказье. Он одним из первых получил звание «Заслуженный летчик», был представителем закавказских республик в первых акционерных обществах «Укрвоздухпуть» и «Добролет». Строил первые аэродромы в Тбилиси, Баку, Сухуми и других городах. Организовал первые авиасообщения между Тбилиси и Баку, Сухуми, Москвой. Неоснащенность самолетов и наземной службы приводила к частым авариям, и кавказское направление считалось одной из самых опасных трасс.

По предложению Кебурия, полеты в Москву через Баку и Минеральные Воды, на которые уходило до трех дней, были заменены на полеты через Сухуми, а вскоре начались полеты через Кавказиони, что свидетельствовало о высоком профессионализме грузинских и русских летчиков, составлявших одну дружную команду. Когда в 1923 году было организовано Грузинское управление гражданской авиации, Кебурия к тому времени успел принять участие в надстройке двух этажей здания напротив театра оперы и балета, на проспекте Рушавели, где оно и располагалось долгое время.

Впоследствии Кебурия работал в ДОСААФ и многих молодых людей привлек своим авторитетом в ряды авиаторов. Во время Второй мировой войны, собрав добровольцев, построил аэродром в родном Чхороцку.

Скончался Виссарион Кебурия в 1958 году, в возрасте 88 лет, прожив счастливую жизнь человека, осуществившего свою мечту, одним из первых поднявшегося в воздух в Грузии и дожившего до полетов космических кораблей.

Гугули КЕБУРИА

Ох, уж, эта бесконечная череда и путаница крутых переулков и улочек у подножья Сололакского хребта! Куда только она не выведет... На этот раз – к знаменитому дому №15 на Коджорской. И, наверное, это неслучайно – именно сюда тбилисцы приводят своих самых дорогих гостей, чтобы с придыханием благоговения сообщить: «Здесь жил Есенин!» Ну, а нам, бывшим ученикам целых трех бывших русских школ, находившихся неподалеку (45-й, 43-й и 66-й), мемориальная доска над этим порогом знакома с детства – мимо нее мы вдохновенно таскали с крутизны металлолом. А потом с тем же вдохновением устраивали в школах есенинские вечера, спорили о загадках жизни и смерти поэта. Вот и теперь, чтобы перелистать страницы воспоминаний, остановимся у колоритного двухэтажного дома, грозящего вот-вот развалиться. На этих страницах, несмотря на их количество (а может, именно благодаря этому), нестыковок и путаницы не меньше, чем в тифлисской топографии. Вообще же, Сергей Есенин может считаться одним из лидеров по незагаданым тайнам биографии, и это при том, что вся его жизнь была вроде бы открыта, вся – на виду. Вот так и с тбилиским периодом. Сколько раз поэт приезжал в этот город? Сколько времени провёл здесь? Споры не прекращаются.

Больше всего известно и написано про знаменитую «бесснежную тифлисскую зиму» Сергея Александровича, которую по плодотворности многие сравнивают с «болдинской осенью» Александра Сергеевича. Именно тогда, в 1924-25 годах Есенин и жил на Коджорской. Но ведь это был отнюдь не первый его приезд в грузинскую столицу. «Милый друг Тициан», как называл Есенин знаменитого «голубороговца» Тициана Табидзе, ставшего для него одним из олицетворений Грузии, напоминает, что Сергей приезжал в Тифлис еще в 1920-м, но... «Но мы с ним не встречались, и, если бы не воспоминания А. Мариенгофа, то о первом пребывании поэта в Тифлисе мы так и не знали бы совершенно». Ну, чем, казалось бы, не очередная тайна есенинской биографии? Впрочем, возможности

ЕСЕНИН В ТБИЛИСИ

приподнять над ней завесу у нас сегодня больше, чем у Тициана: спустя десятилетия уже можно разглядеть то, что ему было просто недоступно. Ведь уже позже исследователю есенинского творчества Владимиру Белоусову рассказал о той поре уникальный человек, доктор филологических наук, классик шахматной композиции Александр Гербстман. Но мы обращаемся к профессору Гербстману не за шахматной мудростью, а, как к верному другу Тбилиси, с которым его связывают и студенческие годы, и первые успехи за черно-белой доской, и последующие приезды к друзьям. Именно во время одного из таких приездов он и встретился с Есениным.

В том, что это была вторая половина 1920-го, Александр Иосифович уверен – он ориентируется на даты различных событий в своей личной жизни. Так вот, в его гостиничном номере неожиданно появляется друг детства Марк Цейтлин, сообщающий что он комендант поезда, прибывшего из Советской России в Грузинскую Демократическую Республику. И что он привез «гордость и надежду советской поэзии - Сережу Есенина», на встречу с которым приглашает. Так каким же ветром занесло поэта на этот явно не «литературный» поезд? А все дело в том, что на пару лет раньше он познакомился с двумя друзьями – Анатолием Мариенгофом и Георгием Колобовым. Первый был поэтом, второй – чиновником Высшего совета перевозок при Совете Труда и Обороне РСФСР. Что, впрочем, не помешало ему писать стихи, вместе с имажинистами эпатировать общественность, участвовать в создании Устава «Ассоциации вольнодумцев в Москве» и даже быть хранителем печати этой организации. Летом 1920 года Колобов – уже «шишка» во Всероссийском Совете Народного Хозяйства и ему приходится часто ездить по стране. Вот он и приглашает в свой вагон друзей-литераторов, а те проводят творческие встречи в городах на маршрутах его служеб-

ных командировок. Так через Ростов-на-Дону, Таганрог, Кисловодск и Пятигорск москвичи добираются до Баку. «Отдельный белый вагон... У нас мягкое купе. Во всем вагоне четыре человека и проводник», - вспоминает Мариенгоф.

Из Баку в Тифлис – поездка особенная. Грузинское правительство национализировало много паровозов, а вагонов не хватало. Поэтому оно хотело продать или сдать в аренду локомотивы, чтобы получить вагоны. И спецвагон с Колобовым, Есениным и Мариенгофом прибывает в столицу Грузии для переговоров: Москва заинтересована в покупке. Заодно решен вопрос пассажирского сообщения между Тифлисом и Баку – 5 сентября оно восстановлено. Есть свидетельство, что и Есенин принимал участие в этом отнюдь не поэтическом деле – как официальный представитель Колобова. Как бы то ни было, с начала сентября он – в Тифлисе. Именно в те дни Гербстман и получает приглашение на встречу с поэтом. Она проходит в квартире известного тифлисского юриста Захара Рохлина. В первые минуты гость не верит, что перед ним Есенин – тот выглядел «совсем по-мальчишески, был навеселе» и совсем не соответствовал представлениям солидного человека о слугителе высоких муз. Но когда, во втором часу ночи, этого русоволосого парня уговаривают прочесть стихи, сомнения гостя рассеиваются, он потрясен: «Читал Есенин изумительно: очень эмоционально, всем телом жестикулируя...» Но время и тогда такое, что без политики не обходятся даже поэтические чтения. Тем более, что в семье юриста – раскол: сын Костя ушел в большевики. В ту ночь он появляется, чтобы послушать знаменитого поэта, а того после стихов тянет на политику: «Мы – советские...» Хозяева предлагают Сергею выйти на веранду, но там в нем просыпается то самое хулиганство, которое хорошо знала Москва. Он перегибается через решетку и кричит какому-

то прохожему на всю спящую улицу: «Да здравствует Советская Россия!» Естественно, вскоре в дверях появляется милиция, но все заканчивается благополучно. Костю удается спрятать, его папа, достав бумажник, откупается (милиция всех времен и всех стран мало чем отличаются друг от друга), гостей укладывают спать... Вот такое, пожалуй, единственное свидетельство о поэтическом вечере в первый есенинский приезд. А еще сохранилась фотография начала сентября 1920-го – Есенин с Колобовым в Тифлисе. Ее уникальность особо отмечал спустя 47 лет поэт Георгий Леонидзе.

Однако от бдительных «органов» Есенину отвертеться не удается. Правда, уже от российских, по возвращении в Москву. Там чекисты арестовывают его за связь с людьми, обвиненными в «причастности к контрреволюционной организации». За поэта поручаются крупные должностные лица, его отпускают, а из его показаний мы выпишем на нашу страницу такие строки: «Я состоял секретарем тов. Колобова, уполномоченного НКПС. 8 июля мы выехали с ним на Кавказ. Были тоже в Тифлисе, по поводу возвращения вагонов и паровозов, оставшихся в Грузии». Стремление в Грузию у Сергея Александровича не пропадает: в нем живет не только интерес к этой стране, но и надежда добраться из нее в Персию, которой он тогда, прямо скажем, грешил. Так что, не проходит и полутора лет, как имя Есенина вновь значится в списках пассажиров все того же колобовского вагона, на этот раз отправляющегося прямо в Тифлис. Но тогда, в феврале 1922-го, поэт опаздывает к отправлению поезда, догоняет его лишь в Ростове-на-Дону, а там... ссорится с Колобовым прямо на вокзале и возвращается в Москву. Так его второе появление в Грузии откладывается еще на полтора года.

Ничего это Тициан знать не мог. У него были лишь несколько строк из воспоминаний Мариенгофа. Но уж в следующий приезд Есенина в Грузию «голубороговец» был в центре всех событий, вместе с другими грузинскими поэтами восторженно принимая русского

собрата. Тот период жизни Есенина так и вошел в историю, как «тифлисский», хотя с начала сентября 1924 года по конец февраля 1925-го Сергей покидал грузинскую столицу, отлучаясь в Баку и Батуми. Но каждый раз он возвращался в дом на Коджорской, куда переселился из гостиницы «Ориант», где остановился сразу по приезде в город. Город, в котором обрел таких друзей, как поэты Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе, Нико Мицишвили, Сандро Шаншиашвили, Симон Чиковани, Валериан Гаприндашвили... Они сами великолепно, «крупным планом», описали те дни. А сколько страниц исписали по этому поводу литературоведы и биографы... Так что, давайте не будем пересказывать тысячи страниц, как и в тысячный раз цитировать «Поэтам Грузии». Мы просто присмотримся к калейдоскопу некоторых ярких иллюстраций, которые воссоздадут атмосферу того приезда.

...В комнате, из которой видна Кура, живут два друга – Симон и Коля, которым еще только предстоит стать знаменитыми – поэт Чиковани и кинорежиссер Шенгелая. Сблизившийся с ними ленинградский художник Константин Соколов ночью неожиданно приводит к ним Есенина, вместе с которым приехал из Баку. Смущенные такой встречей хозяева читают гостю его стихи, он удивлен и очень обрадован, начинает читать сам. Из мебели в комнате – лишь кровать. Сергей садится на подоконник и, выглянув в окно, отмечает: «Зал великолепен, но, сожалению, публики маловато!»... Через день или два после этого в кафе руставелевского театра Есенин извиняется перед новыми друзьями за ночное вторжение и открывает: «Вы думаете, что я был настоящим имажинистом? Я ничего общего не имел с их поэтикой, но дружил с некоторыми из них, и они меня втянули в свою группу. И у Хлебникова поэтика иная, но кое в чем мы ему уступили, и он присоединился к нам. Вообще, литературные группировки отжили свой век»... Другое тифлисское кафе – знаменитый приют творческого люда «Химериони». Уединенно ужинающий Есенин видит, как разбурился молодой поэт за соседним столиком, и в драку уже ввязываются даже официанты и повара. Он тут же оказывается в центре событий, разнимает дерущихся, а потом приглашает молодежь за свой стол: «Я слышал, у вас был недавно вечер, и публики было очень мало, вы бы скандал устроили до вечера – это привлекло бы народ. Такой скандал был бы оправдан, борьба за поэзию – дело благородное, и никто не стал бы вас винить, сегодняшняя же ссора бессмысленна»...

...В тифлисском Доме союзов – творческий вечер Есенина, звучат и критические замечания. Поэт начинает возражать оппонентам, но речь ему не дается. И он просто восклицает: «Товарищи, не бейте меня, я еще напишу стихи получше». Потом читает что-то новое, понравившееся всем, и быстро смешивается с публикой... Еще одно выступление Есенина – в зале Совпрофа. В тот же день хоронят «грузинского соловья» Вану Сараджишвили, это – настоящий национальный траур, церемония потрясает Есенина своей грандиозностью. И он уверен, что его вечер сорвется. Но в зале яблоку негде упасть, сам поэт в ударе и Георгий Леонидзе отмечает: «Траурный полдень и поэтический вечер этого дня надолго объединили в сознании тбилисцев два редких самородных таланта – Сергея Есенина и Вану Сараджишвили»... А вот – еще один момент, изумивший Леонидзе – друг Сергей вызывает его на... дуэль. Ни больше ни меньше! Причем, в официальной форме, попросив назвать секундентов, назначив время и место поединка – в 6 утра на Коджорском шоссе. А потом объясняет это «очень просто»: «Не волнуйся, будем стрелять холостыми, а на другой день газеты напечатают, что дрались Есенин и Леонидзе, понимаешь? Неужели это тебя не соблазняет?» Сейчас это назвали бы пиаром или промоушеном... А в легендарном магазине лагидзевских фруктовых вод Есенин пристрастился к кизилловому соку, и ходивший с

ним туда Леонидзе считает, что по какой-то, возможно, несознательной ассоциации, именно этому лагидзевскому изделию обязан своим происхождением один образ из стихотворения «На Кавказе»:

Прости, Кавказ, что я о них
Тебе промолвил ненароком,
Ты научи мой русский стих
Кизилловым струиться соком.

Увы, возвращаясь ненадолго в наше время, отметим, что нынешним российским поэтам этот «кизилловый источник» вдохновения не светит. Колоритнейший магазин «Воды Лагидзе» на проспекте Руставели уничтожен, и в стекляшках под тем же названием, сменивших его в других местах города, кизилловым соком и не пахнет...

А эти иллюстрации принадлежат журналисту газеты «Заря Востока» Николаю Вержбицкому – тому самому, что предоставил Есенину одну из своих двух комнат на Коджорской улице. Однажды Сергей просит увести его из шумного духана, и они приходят в невзрачный домик на берегу Куры, к человеку, ставшему символом Тифлиса – Иетиму Гурджи. Обстановка полутемного помещения, мягко говоря небогата: живущий здесь старик – подлинно народный поэт. А стена расписана портретом Руставели. Хозяин, практически не знающий русского языка, поет гостю свои песни, которые любит весь город – о том, что счастье в дружбе и веселье, а не роскоши и богатстве. Узнав, что перед ним известный русский поэт, старик наливает всем из большого глиняного кувшина: «Встреча двух поэтов – это встреча стали с кремнем. Она рождает свет и тепло!.. Я плохо знаю русский язык, но язык поэзии один повсюду. Прошу моего брата прочесть что-нибудь!» Есенин долго молчит, а потом запевает «Есть одна хорошая песня у соловушки». Иетим слушает, опустив голову, а потом ногой распахивает дверь в ночной город: «Не надо печали! Посмотрите, как хорошо на свете!»... Есенин – в колонии для беспризорных. Он рассказывает о себе, прикиривая, правда, что сам был таким же, голодал, но потом выучился грамоте и неплохо зарабатывает стихами. Причем, говорит на близком пацанам языке – с жаргонными словечками, босаячками жестами, и это выглядит совершенно естественно. Когда он раздает дорогие папиросы из красивой пачки, его спрашивают: «А ты какие стихи пишешь? Про любовь?» - «И про любовь», - отвечает он, - и про геройские дела... Разные». На прощанье мальчишки поют ему «Позабыт, позаброшен...» А через три дня в «Заре Востока» появляются такие строки:

...Я только им пою,
Ночующим в котлах,
Пою для них,
Кто спит порой в сортире,
О, пусть они
Хотя б прочтут в стихах,
Что есть за них
Обиженные в мире.

Так родилась есенинская «Русь бесприютная». Вообще же, в «Заре Востока» впервые увидели свет десятка два его стихотворения и статей. Он становится своим человеком в редакции, которая кормит его гонорами, авансами и кредитами, собирает его тифлисских друзей. Не случайно он посвящает ей экспромт:

Ирония! Вези меня! Вези!
Рязанским мужиком прищуривая око,
Куда ни заверни – все сходятся стези
В редакции «Зари Востока».

Еще он любил бывать в наборном цехе, сошелся там со всеми, старого метранпажа Хатисова называл «папашей» и говорил, что запах типографской краски напоминает некие

очень приятные события юности, когда он работал в московской типографии. А здесь наборщики первыми набрали его книгу «Страна советская», выпущенную в 1925 году тифлисским издательством «Советский Кавказ». На ее обложке – монограмма оформителя: KZ, Кирилл Зданевич. Когда Есенина не стало, в траурном объявлении «Зари Востока» он был назван «сотрудником и товарищем».

Желанным гостем этой редакции был и другой поэт – Владимир Маяковский. Именно с его пребыванием в Тифлисе связана еще одна из тех нестыковок, которыми пестрит есенинская биография. С легкой руки все того же Вержбицкого, в литературоведение проникла история о том, как два поэта, которых связывали весьма непростые отношения, повстречались в Тифлисе. Причем, Есенин первым отправился к своему литературному сопернику и был встречен крепким рукопожатием, «с большим и вполне искренним дружелюбием». Они обсуждали свои заграничные поездки, и Маяковский разоткровенничался до того, что пожаловался на испорченный душ. В ответ он получил приглашение отправиться в знамени-

тые серные бани. «Ну, как же это я – грузин, а вдруг забыл такую самоочевидную вещь?! - закричал он. - Конечно, сейчас же, сейчас же на фазтон и – к Орбелиани!» Что и было сделано к обоюдному удовольствию. Хотя Есенин и съязвил Маяковскому. Сперва вспомнил стихотворение «Юбилейное», в котором Владимир Владимирович сравнил его с «коровою в перчатках лаечных» и обозвал «балалаечником». Потом прочитал свое, совсем свежее:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-малляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

И Маяковский, никому не дававший спуска в подобных ситуациях, мило улыбнувшись, признал: «Квиты!» Однако и это еще не все. Вержбицкий утверждает, что Есенин продолжил: «...Что поделаешь, я действительно только на букву Е. Судьба! Никуда не денешься из алфавита! Зато вам, Маяковский, удивительно посчастливилось – всего две буквы отделяют вас от Пушкина...» Выдержал паузу и строго добавил, предупреждая помахав пальцем: «Только две буквы! Но зато какие – НО!» После этого Маяковский... вскочил и расцеловал Есенина. А еще они вместе путешествовали по городу, беседовали о художнике Нико Пиросмани... Ничего не скажешь, красивые истории. Жаль, только, что... их никогда не было. Это подтверждают Симон Чиковани, жена Тициана, Нина Табидзе, Николай Тихонов, бывший в то время в Тифлисе, да и многие другие современники. Маяковский уехал 6 сентября, и провожали его около десятка человек. Есенин же приехал через три дня после этого. Да и беседовать о Пиросмани

они никак не могли – с картинами гениального художника-самоучки Маяковский познакомился лишь спустя два года, в следующий приезд, у Кирилла Зданевича... Как известно человеческая память способна вытворять злые шутки, так что, будем считать: за четыре десятилетия она просто подвела гостеприимного журналиста. Но есть еще и вовсе таинственная история, связывающая имя Есенина с Тбилиси.

Весна 1944-го. Петроградский друг Есенина, соратник по имажинизму Юрий Ивнев живет в Тбилиси. И запыхавшаяся курьерша очень просит прийти его к Симону Чиковани, за эти годы из юного обитателя пустой комнаты превратившегося в главу Союза писателей Грузии. В его кабинете на шею Юрику бросается молодой человек, слегка похожий на Есенина. Голосом, тембр которого удивительно напоминает есенинский, он представляется сыном поэта, приехавшим из Средней Азии. И показывает паспорт на имя Василий Сергеевича Есенина. «А когда Василий начал наизусть читать с большим мастерством и тактом не только лирические стихи отца, но и его поэмы, не запнувшись ни разу, все поняли, что в Тбилиси приехал не просто сын поэта, но и прекрасный чтец его стихов», - вспоминает Ивнев. Конечно же, вокруг 22-летнего гостя – радостная суета, особенно старается будущий директор Музея имени Андрея Рублева в Москве Давид Арсенишвили. Он поселяет Василия у себя, берет на полное иждивение. И рождается идея большого вечера, на котором сын прочтет стихи отца, а Ивнев поделится воспоминаниями. Успех превосходит все ожидания: Василий выступает блестяще, в Сталинири (Цхинвали) и Гори – по два раза в день, а в Батуми – даже трижды. В Тбилиси он часто приходит к Ивневу на улицу Энгельса №6 (ныне Ладо Асатиани), которая, что примечательно – соседствует с той самой Коджорской... Уезжает он неожиданно, в Краснодар, откуда присылает пару открыток, а потом исчезает для тбилисцев навсегда.

Ивнев, которого в этих открытках поразил бисерный почерк, очень напоминавший есенинский, до конца жизни был уверен, что Василий – сын Сергея. Похоже, что мало сомневалась в этом и великая Фаина Раневская, которой прямо в купе ехавшего по Закавказью поезда Василий устроил импровизированный вечер поэзии. Да и поэт Алексей Марков вспоминал, как в приемной «Зари Востока» встретил есенинского сына. Правда, от очень многих мы сможем услышать, что это был самозванец, в конце концов оказавшийся за решеткой. Но для нас в этой истории важно одно: был ли то коллега «детей лейтенанта Шмидта» или сын поэта, принимая его, жители Грузии продемонстрировали, какие чувства вызывает у них имя Сергея Есенина.

Впрочем, это ясно и из просмотренных нами иллюстраций, так что вернемся в 1925 год, чтобы отправиться с Коджорской улицы к вокзалу, с которого Сергей уезжает, полный планов и надежд, связанных с Грузией. Он сообщит московским друзьям, что ждет в гости грузинских поэтов, чтобы отвезти их в свое родное Константиново и угостить ухой из рыбы, которую сам наловит в Оке. Он хотел начать переводы из грузинской поэзии, позади были переговоры с «Зарей Востока» о редактировании литературного приложения к ней, впереди – создание особого цикла стихов о Грузии. Он писал Тициану, что тифлисская зима навсегда останется для него лучшим воспоминанием, и в следующую зиму он хочет опять «засесть в Тифлисе». Он обещал: «Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к вам, увидеть и обнять вас».

И все казалось таким вполне реальным, близким, дарящим счастье еще на многие-многие годы. И никому не дано было тогда знать, что в Тифлисе поэт встретил последний год своей жизни.

Владимир ГОЛОВИН

დიმიტრი ყიფიანი - გულთასრული კაცი

ეს “ნამსახურობის სია”, ერთი შეხედვით, იმპერიის სამსახურში ჩამდგარი კაცის მოღვაწეობის შესანიშნავი ნიმუშია. რაღა ერთი შეხედვით, ასეც იყო. მიიჩნდა, რომ არსებული გეოპოლიტიკური ვითარებიდან გამომდინარე, მხოლოდ რუსეთის იმპერიის ძლევამოსილი ფრთის ქვეშ შეეძლო მის სამშობლოს მშვიდად ეცხოვრა და განვითარებულიყო. წინსვლის საფუძვლად კი კეთილსინდისიერი შრომა მიიჩნდა. გულწრფელად ფიქრობდა, რომ ასე უნდა ეცხოვრა და ქვეყნის წარმატებასაც წინ ვერაფერი დაუდგებოდა. არადა, იმპერია მხოლოდ იმდენზე უშვებდა და ახალისებდა, რამდენადაც მის ნიჭსა და ენერჯიას გამოიყენებდა, იმის იქით უბოდიშოდ უჯახუნებდნენ კარს. ასეთ დროს დანანებით

დღიმიტრი ყიფიანი... უადრესად პატიოსანი და ერთგული ბუნების, არაჩვეულებრივად შრომისმოყვარე და უპრეტენზიო, სრულიად მიუღლომელი, ბავშვივით გულუბრყვილო, მაგრამ, ფიცხი, მოუთმენელი, უკანმოუხედავად თავგანწირული მაშინ, როდესაც მის მრწამსს შეეხებოდნენ.

დაიბადა 1814 წლის 26 აპრილს აზნაურის ოჯახში. მამამისს ქართველისთვის გასაგები, უცხოტომელისთვის “ენის მოსატყევი” სახელი – ქიჩო ერეკლე, იმპერატორს მამის სახელად “ივანოვიჩი” დაუდგინეს და კეთილშობილთა სასწავლებლის დასრულების შემდეგ იქვე დატოვეს მასწავლებლად. მუყაითობისა და ნიჭიერების წყალობით კარიერაშიც სწრაფად წაიწვედა წინ, რომ არა 1832 წლის შეთქმულება. 18 წლის ყიფიანი შედარებით მსუბუქი ბრალდებით, რომ “შეთქმულთა განზრახვაზე თანხმდებოდა”, დააპატიმრეს და სასჯელიც შედარებით მსუბუქი გამოუტანეს, - ვოლოგდაში გადაასახლეს. მისივე მემუარების მიხედვით თუ ვიმსჯელებთ, ყიფიანის შეთქმულებაში მონაწილეობა “თავისუფალი მსმენელის” სტატუსს არ გასცილებია. დადიოდა შეკრებებზე, მეტწილად დუმდა და გამომსვლელებს უსმენდა. ერთხელაც შეკითხვაზე: “რას ფიქრობთ”, უპასუხა: “სულ ვფიქრობ, რით დაბოლოვდება ყველაფერი,” შედეგად, ერთ-ერთმა შეთქმულმა, მას “მოსაწვენი კაცი” უწოდა.

გადასახლებიდან 1837 წელს დაბრუნდა. მუშაობდა თბილისში მთავარმართებლის კანცელარიის დირექტორად, იყო მეფისნაცვლის საბჭოს წევრი, სამეგრელოს მთავრის ქონების მეურვე, თბილისის, შემდეგ კი ქუთაისის გუბერნიის თავადაზნაურობის წინამძღოლი, იყო თბილისის ქალაქისთავი.

ამბობდა: “უპატიოსნო ადამიანი”, “აი, ასე მოხდება ხოლმე, რომ დამნაშავე გამოხვალ უდანაშაულოდ”, “მაშ, უკაცრავად, მე ასეთი წესების მსახური არა ვარ...” ანდა, ასეთ გულუბრყვილო წერილს სწერდა საქართველოს ამოგდების მოსურნე გენერალს, რომელიც მანამდე წესიერ კაცად მიიჩნდა: “იმის მერე, რაც მოხდა, მე ვეღარ დავეტოვებ ჩემს ფოტოსურათს თქვენს ოჯახში და აღარც მე შევიინახავ თქვენს სურათს ჩემს სახლში. დამიბრუნეთ ჩემი სურათი და დაგიბრუნებთ – თქვენსას”.

მეორე მხრივ, კაცი, რომლის, რო-

დაგვარებას გადაურჩა. თანაც, არ დაგვაიწყდეს, დიმიტრი ყიფიანი “მამების” თაობას მიეკუთვნებოდა, რომლებთანაც, არცთუ უსაფუძვლოდ, ვერა და ვერ თანხმდებოდნენ “შვილები.” ვერ თანხმდებოდნენ, მაგრამ... არა დიმიტრი ყიფიანთან. ყიფიანი ის იშვიათი გამონაკლისი იყო, რომელიც თითქოს განგებამ მოაგლინა, რათა თაობებს შორის გაბმული ძაფი არ გაწყვეტილიყო...

როგორ თავსდებოდა ერთ პიროვნებაში ეს თითქოსდა ურთიერთგამომრიცხავი თვისებები? ამას ილია საუკეთესოდ განმარტავს: “იგი იყო კაცი, რომელიც თავის დღეში არ იტყოდა “ჰოს”, როცა მისი გული ამბობდა “არას”. დიას, დიმიტრი ყიფიანი იყო მართალი კაცი, იმიტომ, რომ მართალი მარტო ის არის, რომ “ჰო” არა სთქვა, როცა გული “არას” ამბობს. “მართალიო, - ამბობს ერთი ჭკვიანი კაცი, - ის კი არ არის, რომ კაცმა სთქვას რაც ჭეშმარიტია, არამედ ისა, რასაც ვფიქრობთ და რაც გულში გვაქვს”. ცხადია, რა კაცი იყო დიმიტრი ყიფიანი. იგი იყო გულთასრული კაცი”.

ცალკე უნდა აღინიშნოს “შვილების” ყველაზე ენამწარე წარმომადგენლის, აკაკის დამოკიდებულება ყიფიანისადმი. აკაკი მას შეჰხაროდა, ეთაყვანებოდა. “განთიადი” მიუძღვნა!

სამსახურს ჩამოცილებული, 72 წლის ყიფიანი მეტწილად საკუთარ მამულში, ქვიშეთში ატარებდა დროს. მიმსვლელი და მნახველი არ აკლდა. სპეციალური დურბინიც გაიჩინა - აივანზე გადამდგარი შორიდანვე თვალს ჰკიდებდა მომავალ სტუმარს და უკვე ბინაზე მოსულს გაშლილ სუფრას ახვედრებდა. ბოლოს აკაკი ესტუმრა. ეს მას შემდეგ მოხდა, რაც იოსებ ლალიაშვილმა ხანჯლით თბილისის სასულიერო სემინარიის რექტორი, ქართველთა მოძულე პავლე ჩუღეციკი გამოასალმა სიცოცხლეს. ამის გამო ეგზარქოსმა პავლემ ქადაგების დროს დაწვევლა ის “წრე და გარემო” რომელმაც მკვლელი შვა. ეს მოელი ერის დაწვევლის ტოლფასი იყო. ეკლესიაში შეგროვილმა წარჩინებულმა ქართველობამ პროტესტის ნიშნად ტაძარი დატოვა. სულ ეს იყო, რაც გაბედეს. ამ

უმაგალითო შეურაცხყოფის ამბავი ყიფიანმა ქვიშეთში გაიგო. აღშფოთებულმა იქიდანვე გაუგზავნა წერილი ეგზარქოსს, რომელშიც მისთვის ჩვეული ტაქტითა და პირდაპირობით მოუწოდებდა იმ ქვეყნის დატოვებისკენ, რომლის შვილებსა მათზე ღოცვის ნაცვლად, წყევლიდა. ეგზარქოსმა წერილი მთავარმართებელს მიურბენინა. დიმიტრი ყიფიანს, მღვდელმთავრის შეურაცხყოფისთვის სტავროპოლში გადასახლება გადაუწ-

ვიტეს. როგორ შეხვდა ამ ამბავს წლებით დამიმბეზული მოხუცი? “მისმა მხიარულმა სახემ გამოცა. სიცილით მითხრა: ნუ გშურს ჩემთვის ეს ღვთის წყალობა, უკეთეს ჯილდოს მე ვერც კი მოვიფიქრებდი. ერთი საუკუნეა ქართველები ცუდკაცობისთვის იგზავნებიან ციმბირში და ჯერ იდეურად არაფერს დასჯილა. დე, პირველი მერცხალიც მე ვიყო, მართალია, პირველ მერცხალს ხანდახან სუსხი დაჰკრავს და გაზაფხულს ვეღარ ესწრება, მაგრამ მაინც პირველი მახარობელია და გაზაფხული მაინც მოვა”, - იგონებდა მისი სულიერი სიმხნევით მოხიბლული აკაკი.

გაემგზავრა სტავროპოლში, იქ, სასტუმროში დაბინავებულს, მკვლელები მიუგზავნეს, რომლებმაც მძინარე მოხუცს, ისევე აკაკის თუ დავესესხებით, “ის ტვინი, რომელიც საქართველოზე პფიქრობდა, თავზე გადაანთხიეს... იმ გულზე, რომელიც სამშობლოსთვის სძებრდა, ცივი ხელები დააკრეფინეს”.

დიმიტრი ყიფიანის ცხედარს ქართველები საბურთალოს მიდამოებში (მაშინ ქალაქგარეთ) დახვდნენ. მძიმე აღმოჩნდა თავგაჩეხილი მოხუცის ხილვა. თურმე, ხალხი დამუნჯებული და ვერაფერს ხმას ვეღარ იღებდა, ვერ მიხვდარიყვნენ, რა ეთქვათ ან რა მოემოქმედათ. იდგნენ მტვრიან შარაზე დაზაფრულები. ამ სიხუმეში კუბოსთან ქუთაისში მოღვაწეობის დროს მისი მოადგილე დავით ნიჟარაძე მისულა და ამოუთქვამს: ვაი ჩემს თავს, რომ ცოცხალი ვარ და შენ კი მაგ კუბოში გხვდავო. ამან ხალხი გონს მოიყვანა და მცირე პარაკისის შემდეგ პროცესია ქალაქისკენ დაიძრა. განზრახული ჰქონდათ გოლოვინის (ახლანდელი რუსთაველის) ქუჩის გავლით ასულიყვნენ მოაწმინდაზე. მსვლელობა, რომელსაც წინ სამღვდელი პირები და ცხენზე ამხედრებული რამდენიმე ხელამოღებული ქართველი მიუძღოდა, ახლანდელი ჭავჭავაძის ქუჩის ასახვევთან შეაჩერეს ეანდარბებმა, - ხელისუფლებას დიმიტრი ყიფიანის ისევე უწუმრად დასაფლავება სურდა, როგორც მოკლა. ქართველებმა ამჯერად, იძალეს, ეანდარბების კორდონი გაარღვიეს და პროცესიამ მოაწმინდისკენ გზა განაგრძო.

ლადო გოგუაძე

კვირის პალიტრა

DAVID'S SHIELD Inc. **Tel: (718) 275-5795**
 Издатель и главный редактор: **Семен Крuxели** **www.davidsshield.net**
 62-60 99 St. #1012 Rego Park NY 11374, New York USA
 E-mail: **semkr@hotmail.com**